



Пленники Дотеароа

Елена Мунас
Пленники Аотеароа

«Автор»

2026

Мунас Е.

Пленники Аотеароа / Е. Мунас — «Автор», 2026

Балийский закат должен был стать финалом их разбитой сказки. Но Вильям — новозеландский лётчик, умеющий покорять не только небо, но и разбитые сердца. В начале 2020 года героиня вновь летит на край света, в Аотеароа, готовясь к пасторальному раю. Впереди — романтические дороги и роскошный круиз. Вот только за идеальным фасадом их путешествия начинает расплзаться тень мирового кризиса. Когда привычный мир рушится, а небо для пилота закрывается навсегда, локдаун превращает их райский остров в золотую клетку. В изоляции характер Вильяма пугающе меняется. Ища опору в руинах прежней жизни, он находит её там, где героиня меньше всего ожидала. Свадьба снова отменяется, а границы закрываются на годы, разделяя влюбленных океанами и непреодолимыми убеждениями. Спустя три года железный занавес рухнет, и она вернется на зеленые острова. Но кто встретит её на этой изменившейся земле? Тот, кого она так отчаянно любила, или чужой человек, который променял земную любовь на служение неземным силам?

© Мунас Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Елена Мунас

Пленники Аотеароа

Глава 1

Говорят, предчувствия — это шёпот интуиции. В январе 2020-го моя ещё глухо молчала. Я слышала только стук собственного сердца, смешанный с радостным шелестом загранпаспорта с одобренной визой в Новую Зеландию. Отказаться от этой поездки теперь, после всего, через что пришлось пройти, было абсолютно невозможно.

Но чья-то интуиция всё-таки работала на полную мощность. Моя собака — мой верный комок счастья — с самого утра не сводила глаз с упакованного чемодана у двери. За свою жизнь она должна была привыкнуть к моим отъездам, но в этот раз Бусси вела себя иначе: она буквально вжималась в мои щиколотки, не отставая ни на шаг.

Пытаясь заглушить предвыездной мандраж, я до позднего вечера возилась на кухне. Пекла черничный пирог — мамин любимый. Всё было просчитано до мелочей: утром она придёт, мы успеем выпить чаю, она заберёт к себе моего пуделя, а я вызову такси до терминала.

Я вытащила пирог из духовки и в наступившей тишине вдруг услышала частое, тяжёлое дыхание. Бусси жалобно просилась ко мне на руки. Я подняла её — и почувствовала, как она обмякла. Боже, девочка моя, что с тобой? Пожалуйста, только не сейчас.

Всю ночь я провела на полу в обнимку с собакой. Держала её, считала каждый хриплый вдох и до ужаса боялась затянувшейся тишины между ними. Время от времени из пасти выступала белая пена, тельце вздрагивало. Сонный ветеринар на том конце провода ответил коротко: «Ждите. Буду утром».

«Утром»... Моё утро должно было начаться на взлётной полосе. Я сидела на полу, бережно прижимая к себе мою десятилетнюю девочку, и захлёбывалась невыносимой виной. Как я могла оставить её сейчас? Я и так постоянно казнила себя за то, что жёсткие правила Новой Зеландии не позволяли забрать её с собой, а теперь Я гладила её по голове и с растущим отчаянием понимала: когда врач наконец переступит порог этой квартиры, меня здесь уже не должно быть. Рейс нельзя было отменить, но каждый шаг к выходу казался предательством.

Чемоданы стояли у двери как немые упреки. Едва забрезжил рассвет, пришла мама. Ей не нужно было ничего объяснять — одного взгляда на нас с Бусси, сидящих на полу, хватило, чтобы всё понять.

На кухонном столе давно остыл черничный пирог. Наш идеальный утренний план рассыпался в прах, и чай так и остался нетронутым. Нам было просто не до него. В утренней лихорадке, в слезах и отчаянной спешке, я мазнула взглядом по кухне, просто отрезала кусок пирога, торопливо завернула его в фольгу и сунула в карман чемодана. Словно пыталась увезти с собой хотя бы частичку того тепла, которое оставляла здесь.

Врач позвонил, сообщив, что выезжает, когда мама мягко, но настойчиво подтолкнула меня к выходу, пообещав сделать всё возможное. Оторвать руки от Бусси было невыносимо, но время истекло. Шаг за порог, захлопнувшаяся дверь такси — и вот я уже вжимаюсь в пассажирское сиденье, не помня себя от переживаний.

Рейс до Сеула. А дальше — неизвестность.

Когда шасси самолёта коснулись взлётной полосы Инчхона, я выдохнула. Я летела через Южную Корею специально, чтобы устроить себе комфортную передышку: забронировала хороший отель, транзитная виза позволяла выйти в город, и все десять часов в небе я только и спасалась мыслью о горячем душе и мягкой постели после адской ночи на полу.

Но стоило мне переступить порог терминала, как меня оглушило полнейшее недоумение. Мир изменился за время моего полёта, и я оказалась к этому совершенно не готова.

Вместо привычного, сияющего и гостеприимного хаба передо мной предстала какая-то антиутопия. Хвалёный корейский сервис испарился. Весь огромный аэропорт превратился в сухую, пугающую машину, разделённую на секции пластиковыми лентами и наводнённую людьми в защитных масках. Мы двигались по этому живому лабиринту молча, в полном оцепенении, сжимая в руках паспорта, как единственный шанс на спасение. Только отрывистые команды и подозрительные взгляды поверх марлевых повязок. Повсюду царила атмосфера глухого, парализующего страха.

— Выход закрыт. Транзит только в терминале, — отрезал пограничник.

Его голос прозвучал как удар хлыстом. Никаких объяснений — только ледяная грубость. Мой роскошный, оплаченный отель в одно мгновение превратился в пыль. Растерянность переросла в панику, когда я поняла, что не смогу забрать даже свои вещи.

— Где мой багаж? Мне нужно переодеться! — Багаж в транзите. Вы его не получите.

Я стояла посреди этого кафельного холода в лёгкой одежде, в которой в спешке выбегала из дома, дрожа от сквозняков и дикого недосыпа. Вторые сутки без сна.

Инструкции менялись на ходу. Те, кто, как и я, надеялся на городские брони, получали беспощадный вердикт: «No entry». Нас просто загоняли в загон транзитной зоны. Я помнила Инчхон великолепным, с роскошными зонами отдыха, но на дверях душевых теперь висели опечатанные ленты. Крест-накрест. Запрет на комфорт. Запрет на отдых.

Я видела, как ломались люди. Женщина впереди меня начала что-то доказывать, её голос сорвался на отчаянный крик. Но в этом новом мире любая эмоция трактовалась как угроза. К ней тут же подошли двое в защитных костюмах, взяли под руки и молча увели куда-то вглубь терминала. Без объяснений. Внутри всё сковал животный страх: Меня отправят назад. После всего, через что пришлось пройти, встреча с Вильямом могла просто не состояться. Я поняла: нужно молчать и стать частью этой безликой массы.

До самой ночи я «кантовалась» на жёстком пластиковом кресле, пока перед рассветом на стойке аэропортового отеля мне механически не кивнули: «Освободилось три часа». Крошечная комната без окон стояла целое состояние, но это была единственная возможность закрыть глаза.

Однако сон не шёл. На пороге следующего одиннадцатичасового перелёта, запертая в странном лимбе между прошлым и будущим, я вдруг покрылась ледяным потом от внезапного осознания: Пирог!

В Новой Зеландии таможенные правила — это религия. За одно случайно забытое в сумке яблоко на границе выписывают огромный штраф и могут развернуть домой. А там, в недрах багажного отделения, в моём недоступном чемодане лежал огромный кусок домашнего пирога с начинкой. Настоящая контрабанда по меркам Аотеароа. Если его учуют служебные собаки в Окленде, мне конец.

Весь мой мир сузился до страха перед чужими тепловизорами. Несчастный кусок пирога, который я так безрассудно везла с собой, теперь казался главной угрозой моему будущему с Вильямом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.